

Автор

Ясмин Шакарами родилась в 1991 году в Мюнхене. Её мать — венгерка, а отец иронец. После окончания школы Ясмин жила в Токио и в марте 2011 года стала свидетельницей большого землетрясения Тохоку. Это событие сыграло решающую роль в её жизни и показало, что происходит, когда в высокоорганизованном многомиллионном городе вдруг воцаряется хаос. В Мюнхене Ясмин изучала философию с упором на этику. После выпуска она основала школу немецкого языка, литературы и философии в Канаде, в Ванкувере. Сейчас она снова в Мюнхене, где в 2021 году получила городскую литературную стипендию. «Дождь в Токио» — её дебютный роман.

*Вам, Каталина и Мехи (мои защитники),
Дэну (моё сердце),
Мишель (моя союзница),
Антъе Бабендерерге (моя чудотворница),
Михай Франка (мой герой)*

Пролог

Токио превратился в дикого зверя, желающего порвать свои оковы. Город живой, такой же живой, как и пробудившая его сила. Никогда не думала, что стану свидетелем подобной катастрофы. Внезапно всё перевернулось — а я оказалась в эпицентре событий. Природа наносит ответный удар, и даже мегаполис вроде Токио не выстоит против её чудовищной силы. Мы все проиграли.

И я давно сдалась бы, только вот знаю, что где-то там он ждёт меня. Я должна его найти. Должна. Он сделал меня полноценной. Показал, кем я могу быть, если веду себя храбро. Я должна найти его, потому что была найдена им, когда потерялась сама.

Из головы не выходит наш первый поцелуй. В трёхстах метрах над нами — волшебные неоновые огни Токио. В тысячах световых лет над нами — звёзды. Это было обещанием.

Майя, ты очень мне нужна. Вместе мы сила. Только с тобой я отважусь на эти необычные поиски. Ты ведь знаешь, как он мне дорог. Выбора нет: пусть даже это означает, что я окажусь в большой опасности.

Однажды он сказал, что настоящие чудеса созданы для таких времён. Он прав. На противоположном конце земли, в городе, где живут тридцать восемь миллионов человек, мы нашли друг друга. И сделаем это снова.

Я должна его найти.

1. Ирассяймасэ

Паника нарастает медленно, но верно. Через пятнадцать минут я встречаюсь с принимающей семьёй у магазина одежды UNI-QLO. Судя по гугл-картам, от цели меня отделяют две минуты пешком и сто семьдесят метров. Ничего сложного или совершенно *невозможного*, но в чём беда: я нахожусь посередине самого загруженного в мире вокзала — а именно в Токио, самом большом городе-миллионнике. И вокзал звучит как величайшее преуменьшение века, которое заставляет бестолковых жертв вроде меня поверить, что у девчонки с шестнадцатилетним жизненным опытом есть шанс здесь правильно сориентироваться. Полный

провал. Станция Синдзюку — пропитанный неонам колос, где пятьдесят три платформы и, без шуток, *двести* выходов. Похоже на бесконечный уровень в видеоигре! Уже полтора часа я пытаюсь выбраться из лабиринта тоннелей, но меня всё глубже затягивает в шумное нутро вокзала: рестораны, круглосуточные магазинчики, бутики, газетные ларьки, парикмахерские, игровые зоны, закулочные, магазины одежды, книжные магазины, сувенирные лавки, цветочные киоски, кабинки для курения и караоке-бары. Повсюду яркий китч и гигантские рекламные вывески, на которых наперегонки мелькают крикливые надписи.

Чувствую себя совершенно потерянной. Руки и ноги сковывает изнуряющая усталость. Готова поклясться, здесь, в металлических недрах земли, гравитация в три раза сильнее, чем наверху. На руках вздулись волдыри. Моему чемодану тоже надоели эти издевательства: он протестующе стучит колёсами и дребезжит. Он битком набит вещами, которых должно хватить на год, и давно бы лопнул, если бы папа не замумифицировал его с помощью целого мотка клейкой ленты.

Десять минут.

Говорят, через станцию Синдзюку ежедневно проходит около четырёх миллионов путешественников. Такое впечатление, что, в отличие от меня, все точно знают, куда идут. Толпа течёт пёстрым потоком, быстро и плавно, каждое движение словно отрепетировано. Только я постоянно останавливаюсь, меняю направление и привношу хаос в этот своеобразный порядок.

Куда?

Шестерёнки у меня в груди накалились — так сильно стучит сердце. Ещё я зверски голодна, но одновременно мучаюсь тошнотой от перевозбуждения, поэтому за несколько часов не съела ни кусочка. Вдруг я никогда не найду принимающую семью? Снова этот жгучий иррациональный страх, *магазинный* страх, который испытываешь в детстве, когда мама неожиданно исчезает за полкой с джемами. Только в моём случае полка с джемом — это океан, а *магазин* — вокзал, изо всех сил старающийся меня поглотить.

Коротко о моих злоключениях: я совершенно одна в Токио, городе, в котором никогда не бывала, в незнакомой стране, на континенте в тысячах километров от родного дома (или в тринадцати часах мучительного перелёта между двумя болтливыми

пенсионерками). И самое странное — я здесь *добровольно*.

Месяц назад меня выбрали для учёбы по обмену в Японии. Три эксклюзивных места, одно из них — в Токио. Раньше программа распространялась только на Европу, поэтому новёхонькое предложение целый год учиться в японской школе стало настоящей сенсацией. Желающих было много. В учёбе я не блистала, поэтому до сих пор не понимаю, как вытянула этот заветный *золотой билет*. Подозреваю, что мои переутомлённые учителя и растерянные родители однажды в полнолуние собрались на тайное заседание и решили, что пришло время отправить инопланетянку на родную планету. Путешествовать по периферии космоса со скоростью света пока невозможно, поэтому в качестве альтернативы выбрали другой конец земли.

Сложно их осуждать. Я уже давно не вписываюсь ни в свой класс, ни в родную семью. С этим мне всегда было непросто, но позапрошлым летом всё изменилось окончательно и бесповоротно. С тех пор жизнь полетела в тартарары. В моём случае — в глубокую тёмную яму с одним единственным лучиком света: надеждой уехать очень и очень далеко.

В тринадцать лет я увлеклась аниме. Особенно меня покорили волшебные творения студии «Гибли». В четырнадцать лет я прочитала свой первый роман от японского автора Харуки Мураками и сразу влюбилась. Япония быстро превратилась в тайное убежище, страну грёз, и я твёрдо решила, что, окончив школу, обязательно посету этот остров в Тихом океане. Готовясь к путешествию, которое ждало меня *когда-нибудь*, я много месяцев усердно учила японский язык.

Моя мечта сбылась гораздо раньше и очень неожиданно, но вот парадокс: в реальности я избегала всего неизвестного. *Когда-нибудь* звучит отлично, *сейчас* вгоняет в *панику*. Скажем так, я — пылкая, отважная, любознательная путешественница, не желающая покидать свою однотонную тихую скучную комнатку. «*Мечтательница*», — говорили родители, но это чересчур романтичный диагноз для моей бурной бездеятельности. Даже друзей я раздражала. Все вокруг помешались на идее постоянно пробовать что-нибудь новенькое (новые люди, новые кафе, новая музыка, новый цвет волос, новое, новое, новое...), а мне перемены даются тяжело. Отменить встречу в последний миг — по моей части.

В следующем месяце мне исполнится семнадцать лет. Я глубоко убеждена: времени на то, чтобы выбраться из тесного, липкого, ужасно уютного кокона собственных фантазий, остаётся ничтожно мало. Вот почему отказать от Токио было никак нельзя. Вдруг это путешествие — мой последний шанс. Мне нравятся плюсы одинокой жизни, но умереть девственной затворницей не хочется.

Пять минут до назначенного времени.

На языке горчит. Кажется, что я магическим образом притягиваю пыль со всего вокзала. Из-за ледяного воздуха, струящегося из тёмных вентиляционных решёток, по спине бегут мурашки, но под мышками расплываются пятна пота. Предпочитаю не думать, чем пахну. Дезодорант отобрали на таможне — будто бомба опаснее моих взмокших подмышек...

В регистрационном формуляре я отметила, что приёмной семье не нужно встречать меня в аэропорту, и теперь горько об этом жалею. Целью было как можно меньше общаться с людьми. Типичная я. И, что тоже типично, это *тщательно взвешенное* решение даёт мне пинок под зад.

Может, позвонить домой? А дальше? Рыдая, умолять родителей забрать меня из Токио? Нереально. И в Германии сейчас ночь.